

А. П. КАЖДАН

ФОРМИРОВАНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО ПОМЕСТЬЯ В ВИЗАНТИИ X в.

Исходным пунктом настоящего исследования является общепринятое положение о том, что X столетие в истории Византии было веком роста крупной земельной собственности¹. Это положение принимают все византилисты. Однако, сформулировав это положение, мы оказываемся перед рядом трудностей. Действительно, возникает вопрос, какова природа этой собственности, или иными словами — каковы формы ее экономической реализации, каковы присущие ей формы присвоения прибавочного труда непосредственных производителей. К сожалению, большинство зарубежных историков обходит этот вопрос, ограничиваясь констатацией факта имущественной дифференциации. Так, в специальном исследовании Ж. Руйар мы не найдем даже термина „феодалы“ (в применении к X в.), не говоря уже о попытках установить формы феодальной ренты, градации крестьянской зависимости и особенности византийской феодальной собственности. Румынский историк Н. Константиеску утверждал, что в Византии VIII—XI вв. крестьянской зависимости не существовало и что земли крупных собственников обрабатывались в это время рабами и безземельными батраками или же сдавались в аренду².

В отличие от названных историков, ряд зарубежных византистов (Ф. Дэльгер, А. Андреадис) признает существование в IX—X вв. зависимого крестьянства; однако в их исследованиях это положение остается по существу декларативным. Очень важные конкретные замечания о византийском феодализме X в. мы встретим в работах югославского историка Г. Острогорского; при этом особенно существенно, что Г. Острогорский рассматривал так называемых свободных (государственных) крестьян как одну из категорий феодально-зависимого населения³.

В советской исторической литературе вопрос о характере крестьянской зависимости в Византии X в. также не получил окончательного разрешения. М. Я. Сюзюмов считал, что византийская деревня VIII—X вв.

¹ М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 151—152; Д. Ангелов. Феодализъм във Византия. ИП, III, 1946—1947, кн. 2; P. Charanis. On the social structure and economic organization of the Byzantine Empire. „Byzantinoslavica“, vol. XII, 1951, p. 119; G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin. Paris, 1954, p. 104 sq.; G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 16.

² N. Constantinescu. Réforme sociale ou réforme fiscale. Académie Roumaine. Bulletin de la Sect. historique, 11, 1924, p. 100.

³ Г. Острогорски. О византийском държавним селацима и војницима — две повеље из доба Јована Цимиска. Глас САН, т. ССХIV. Отд. друштвених наука, књ. 3. Београд, 1954, стр. 40—42; G. Ostrogorski. La paysannerie byzantine, p. 11 sq. Ср. его же. The peasant's pre-emption right. „Journal of Roman Studies“, vol. 37, 1947.

была „поселением свободных крестьян“⁴, о существовании крепостных крестьян, по его мнению, источники не сохранили сведений. Чтобы объяснить отсутствие крепостного крестьянства в византийской деревне, М. Я. Сюзюмов выдвинул следующую гипотезу: он полагает, что в Византии процесс ломки рабовладельческих порядков проходил более бурно, нежели на Западе, и старые поместья с „крепостными“ (т. е. колонами) были начисто разгромлены. Отрицая существование крепостного крестьянства в византийской деревне VIII—X вв., М. Я. Сюзюмов в то же время отмечает наличие тенденции к „новому закрепощению“, хотя он склонен считать, что оно протекало в Византии менее интенсивно, чем на Западе⁵.

В противоположность теории М. Я. Сюзюмова, М. В. Левченко признавал существование в IX—X вв. „тяжелых крепостнических форм эксплуатации“⁶, хотя он и не раскрывал этого положения более детально и не аргументировал его данными источников. О наличии крепостных в интересующее нас время писала и Е. Э. Липшиц⁷.

Возникновение подобных противоречивых точек зрения в значительной мере объясняется недостатком источников⁸ и отсутствием специальных исследований; поэтому для решения вопроса необходимо собрать с возможной полнотой данные относительно феодальной собственности и крестьянской зависимости в византийской деревне X в.

Специфическими терминами X в., обозначавшими династское поместье, были проастиий и икос (*ἰκος*).

Источники иногда отождествляют оба термина. Так, в Пире (XXIV, 12) упомянута женщина, получившая в приданое „икос, то-есть проастиий“⁹.

⁴ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. „УЗ Свердловского пединститута“, вып. IV, 1948, стр. 64.

⁵ Там же, стр. 65—66.

⁶ М. В. Левченко. История Византии, стр. 151.

⁷ Е. Э. Липшиц. Византийское общество и его культура в VIII—IX вв. Автореферат. Л., 1951, стр. 6—7. Существование феодальной зависимости в X в. признает и К. А. Осипова („Положение крестьянства в Византии в X веке“. Автореферат. М., 1953, стр. 12 и сл.), хотя в ее работе нет полной ясности в этом отношении. С одной стороны, она считает, что X век был „периодом окончательного становления феодального способа производства“ (стр. 19), с другой, — пишет, что „X век не может считаться временем окончательного завершения процесса феодализации“ (стр. 20).

⁸ Основным источником для изучения средневекового поместья, как известно, являются деловые документы, преимущественно описи. Византийские описи X в. нам неизвестны: сохранилось лишь около двух десятков императорских дипломов, грамот и судебных постановлений этого времени. Основная часть их издана в книге G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937 (см. обзор издания F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden und ihrer historischen Auswertung. BZ, 39, 1939 и ряд замечаний в названных работах Г. Острогорского); несколько актов имеется в изданиях F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948; Ph. Meyer. Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894; W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev. Actes de Zographou. BB, т. 13, 1907. Приложение; L. Petit. Actes de Chilandar, I. BB, т. 17, 1911. Приложение (собственно говоря, грамота 1009 г.). Изданная И. Ивиритом грамота, которую Г. Острогорский датировал 975 г., нам недоступна.

Недостаток деловых документов заставляет обращаться к иным источникам, в том числе и нарративным памятникам; обзор этих источников вряд ли можно дать в краткой журнальной статье, однако необходимо помнить, что они по самой своей природе не могут осветить интересующие нас вопросы с необходимой четкостью. Из этого вытекает неизбежная гипотетичность ряда положений настоящей статьи.

⁹ Ср. еще *προαστειον ἢ οἰκηματα* — А. Пападопуло-Керамевс. *Ἀνάλεκτα*, т. IV, стр. 108. 28. Архавсты XIV в., употребляя термин проастиий в его старом значении (пригородная вила) (Cantac., II, p. 228.5; Gregoras, II, p. 648.17), иногда отождествляют его с икосом и характеризуют как *οἰκίαί αἱ πρὸ τῆς πόλεως* — Cantac., II, p. 436.8.

Икосы могли быть расположены вблизи от городов, рядом с проастиями: хроники отмечают, что вокруг Константинополя находились монастыри, дворцы, икосы и проастии¹⁰. В то же время проастии нередко располагались вдали от больших городов и подобно икосам служили местом ссылки константинопольской знати. Так, воспитатель Константина Багрянородного Феодор и его брат Симеон были высланы в проастии, расположенные в феме Опский¹¹. Рассказывая о походе Никифора Фоки на Крит, хроника продолжателя Феофана отмечает, что Никифор решил взять Хандак, воспользовавшись отсутствием знати, находившейся вне города, в собственных проастиях¹². По-видимому, эти проастии находились вдали от города. Известны также проастии вокруг небольшого городка Иерисса¹³.

Термин проастий встречается не только в византийских, но и в венецианских источниках, которые при этом рассматривают его как специфически византийский термин. Так, одна из ранних венецианских хроник противопоставляет пастбищам и виноградицам „то, что греки называют проастиями“ [pro(a)stiis quos Greci nominant]¹⁴. Впрочем, это противопоставление не совсем точно, так как византийские памятники XI в. говорят о проастиях, включающих в себя, а то и целиком состоящих из пастбищных земель и лесных участков¹⁵. Во всяком случае мы можем отметить, что венецианцы рассматривали проастий как характерный для Византии тип (господского) поселения.

Известное определение проастия содержится в „Трактате об обложении“, где проастий рассматривается как тип поселения, сходный с хутором (ἀγρίδιον)¹⁶, — отличие состоит лишь в том, что владелец проастия сам не живет в нем, но поселяет там рабов или мистиев¹⁷.

Сближение проастия с хутором позволяет предположить, что проастии были сравнительно невелики; это соображение подтверждается некоторыми другими источниками. Герой жития Филарета Милостивого, по свидетельству его агиографа, жил в деревне Амния, где его соседями были и крестьяне и знать. Филарету принадлежало около 50 проастиев¹⁸ — для обработки каждого использовалась одна пара волов. В дальнейшем все эти проастии были захвачены соседними династами и крестьянами. Следовательно, проастии Филарета были небольшими участками земли, являлись частями деревни.

Хроника продолжателя Феофана рассказывает, что династы вторгаются в „области и деревни“ (ἐν μέσφ τῶν ἐπαρχιῶν καὶ χωρίων) и „с помощью грабежа приобретают для себя проастии“¹⁹. Из этого следует, что проастий мог представлять собою часть деревни, владение в пределах деревни.

¹⁰ Theoph. Cont., p. 614.8. Проастии вблизи от Солуни XI—XII вв. — Lavra, № 42. 47—48; 51. 17—18.

¹¹ Theoph. Cont., p. 397.19. Ср. *ibid.*, p. 417.6—7.

¹² *Ibid.*, p. 476.4—5.

¹³ См. Г. Острогорский. О византийском државном селянстве, стр. 28, прим. 14.

¹⁴ Chronicon Venetum quod vulgo dicunt Altinate. MGH, SS, XIV, p. 41. 25.

¹⁵ MM, VI, p. 36. 25; Lavra № 47. 17; В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в. ЖМНП, 1907, май, стр. 224.22.

¹⁶ Πεῖρα XXXVI, 12) отождествляет ἀγρός и проастий.

¹⁷ Tract., S. 115, 40. Новеллы X в. также противопоставляют проастии крестьянским стасям, т. е. рассматривают проастии как вид барской усадьбы — Jus, III, p. 240. 26—27.

¹⁸ А. Васильев. Житие Филарета Милостивого. ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 64.21. Г. Острогорский (BZ, 47, 1954, S. 422), считающий Филарета зажиточным крестьянином, подчеркивает, что цифры жития преувеличены.

¹⁹ Theoph. Cont., p. 447.14—17.

Конкретное представление о проастии дает житие Василия Нового, имеющее тем большую ценность, что агиограф Григорий повествует в данном случае о себе. Григорий отнюдь не принадлежал к числу знатных: он называет себя бедняком (πένυχς). Живя в Константинополе, он был в то же время собственником проастиа, расположенного близ города Редесто, во Фракии. В этом проастии жил и трудился мистий по имени Александр, который „совсем недавно, — говорит Григорий, — женился на некоей девушке“. Сам Григорий приезжал в проастию лишь осенью, чтобы помочь своему мистию в сборе урожая²⁰. Проастией Григория был совсем невелик, коль скоро его мог обработать один мистий²¹.

Значительно больше был проастией, принадлежавший Асилеону, близкому родственнику императора Василия I. Этот проастией был населен рабами Асилеона, число которых неизвестно²². Крупным поместьем был, вероятно, проастией Космидий, принадлежавший кесарю Варде²³, — однако, кроме названия, мы о нем ничего не знаем. Описанный в житии Феодора Студита проастией Саккудион представлял собой плодородную равнину, покрытую фруктовыми деревьями и окруженную небольшим лесом²⁴; он находился вдали от города и в стороне от каких-либо деревень.

Менее определенен рассказ „Жизнеописания Василия I“ о владениях Даниэлис, обладавший, помимо всего другого, 80 проастиями²⁵. Мы не можем решить, были ли проастии Даниэлис мелкими или крупными и какова была их структура.

Проастии могли эксплуатироваться, как свидетельствует „Пира“ (XV, 9), путем сдачи их в аренду.

Возможно, что уже в X в. термин проастией стали употреблять для обозначения зависимой деревни. Именно в этом смысле можно понять известное место из новеллы Василия II, где идет речь о протовестиарии Филокали, который захватил целую деревню и превратил ее в собственный проастией²⁶. В житии Афанасия Трапезундского рассказывается о монастырском проастии Цампур, где добывалось железо и куда раз в год приезжал монах, чтобы получить ренту²⁷. Впрочем, вопрос о социальном статусе населения проастиа Цампур недостаточно ясен.

Таким образом, термином проастией обозначалось господское владение, обычно незначительное по размерам, расположенное в пределах большой деревни или же совершенно от нее независимое, которое обрабатывалось трудом рабов или мистиев; собственником проастиа мог быть также зажиточный крестьянин или горожанин. В то же время вероятно, что уже в X в. этот термин начал обозначать зависимую деревню. Во всяком случае в XI—XII вв., по мере укрепления феодального способа производства, именно это значение термина проастией сделалось основным²⁸.

²⁰ С. Г. Вилинский. Житие Василия Нового. Зап. Новороссийского университета, ист.-фил. фак., 7, 1911, стр. 318—320.

²¹ Ср. еще *πρόστιον μικρόν* — Theoph. Cont., p. 150. 18.

²² Ibid., p. 839.18.

²³ Ibid., p. 658.17.

²⁴ PG, t. XCIX, col. 241.

²⁵ Theoph. Cont., p. 321.9. В этом памятнике проастии противопоставляются земле вообще (χωρά) — ibid., 309.19. О владениях Даниэлис см. S. Runciman. The widow Danielis. Etudes dédiées à la mém. d'A. M. Andréadès. Athènes, 1940.

²⁶ Jus, III, p. 310.15.

²⁷ А. И. Пападопуло-Керамевс. К истории Трапезунта. ВВ, т. 12, 1906, стр. 140. 13.

²⁸ Уже в актах конца X в. встречается упоминание проастиев, населенных париками (Lavra, № 9.14), а не мистиями и рабами. Еще чаще о подобных проастиях идет речь в более поздних документах. Так, известный канонист XII в. Вальсамов

Термин икос часто встречается в прямом значении „дом“ (например, *Synopsis Basilicorum*, М. XIII. 5). Однако в ряде случаев этот термин имеет иной смысл. Хроники говорят об икосах, принадлежащих знати: в эти икосы императоры ссылали непокорных динатов. Так, друнгарий виглы Евстафий Аргир был сослан в икос, расположенный в Харсиане, а жена Константина Дуки — в ее пафлагонский икос²⁹. У Льва Фоки был икос в Каппадокии³⁰. В эпосе о Дигенисе Акрите упоминается икос стратига Каппадокии³¹. Подробно описан в этом эпосе икос самого Дигениса, возведенный им на берегу Евфрата, в стране, отвоеванной у арабов. Главное здание, расположенное среди садов, было воздвигнуто из камня³²; внутри икоса (*ἐντὸς τοῦ οἴκου*) была целая долина (*τὸ πεδῖον*), достигавшая больших размеров: в этой долине Дигенис построил храм³³. Такой же характер имел, по-видимому, и икос Триаконтафила, купленный Романом Аргиром и превращенный в монастырь³⁴.

В новелле Никифора Фоки от 967 г. содержится подробный рассказ о создании икосов (*πολυτίμοις οἴκισις*): владельцы устраивали их в деревнях и хуторах, иной раз на небольших участках земли, приобретенных у соседей³⁵. Из одного рассказа Вриенния мы получаем отчетливое представление об икосе (*οἴκισις*) XI в. Вриенний повествует, как Алексей Комнин, спасаясь от турок, проезжал через деревню Декти, в Вифинии, и был приглашен отдохнуть хозяином одного икоса. В это время какой-то крестьянин указал туркам, где скрываются ромеи; несмотря на то, что икос осаждал отряд турок в двести человек, Алексею Комнину удалось выдержать осаду³⁶. Как можно судить по этому рассказу, икос в деревне Декти был барской усадьбой, достигавшей значительных размеров и, видимо, окруженной частоклом.

Икос, вероятно являлся лишь центром владений феодала: во всяком случае, хроники называют рядом с икосом *κτήματα*, под которыми, может быть, в некоторых случаях надо подразумевать те же проастии³⁷.

В источниках встречается также термин *οἰκοπροβάσιον*, который, по-видимому, по своему значению не отличался от термина икос. Известен икопроастией Льва Катакилы в Константинополе, вблизи от Студийского монастыря; на территории этого громадного владения находилась церковь

упоминает проастией, населенный париками (PG, t. CXXXVII, col. 929.C); более подробные сведения мы найдем в хрисовуле Алексея I Комнина от 1104 г. Там упоминается проастией Варзахания, в котором было около 7 тыс. модиев земли и находилось 15 паричских хозяйств; проастией Асмала с двумя мельницами, примерно 5 тыс. модиев земли и 14 паричскими хозяйствами; проастией Лоротомы, где 21 паричское хозяйство размещалось примерно на 2000 модиев земли (Lavra, № 51. См. Г. Острогорски. Размена поседа и селака у хрисовули цара Алексия I Комнина светогорској Лаври на 1104 године. „Историски часопис“, т. 5, 1955, стр. 19—25, где, в частности, высказано предположение, что в проастиии Лоротомы числилось около 3 тыс. модиев). О зависимых проастиях середины XII в. во Фракии см. L. Petit. *Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos (1152)*. ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 52.17—22; о проастиях XIII в. в М. Азии — Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1904, стр. 90. Ср. М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат. М., 1952, стр. 10.

²⁹ Theoph. Cont., p. 374.5 и 385.2. Ср. *ibid.*, p. 386.22.

³⁰ *Ibid.*, p. 394.17.

³¹ E. Legrand. *Les exploits de Basile Digénis Akritis*. Paris, 1892, I, vers. 56—57.

³² *Ibid.*, VII, vers. 44.

³³ *Ibid.*, VII, vers. 102.

³⁴ Cedrenus, II, p. 497.10.

³⁵ Jus, III, p. 299. 8—22.

³⁶ Nicephori Bryennii Commentarii. Bonnae, 1836, p. 66.10 et sq.

³⁷ *οἴκος καὶ κτήματα* — Theoph. Cont., p. 419.21. В актах XI—XII вв. проастии иногда обозначаются термином *κτήματα* — Lavra, № 51.10; 17 и № 57.43.

св. Космы и Дамиана³⁸. Икопроастий Варис, в районе Милета, представлял собою в конце XI в. значительное поместье, имевшее и домен, и зависимых крестьян³⁹. Этот термин применялся и как эквивалент *χωρὴ*⁴⁰, обозначая, следовательно, зависимую деревню.

Таким образом, икос (икопроастий) являлся в X в., как правило, динатской усадьбой, которая могла быть в некоторых случаях окружена крестьянскими владениями. Иногда термин икос оказывался равнозначным проастию.

В документах этого времени встречается также термин метох⁴¹, обозначающий маленький монастырь, находящийся под властью другого, более крупного монастыря. По сути дела, такой метох являлся динатским (монастырским) владением.

Мы можем констатировать существование в Византии X в. нескольких типов структуры динатского землевладения. Во-первых, динатское поместье могло представлять собою обособленное поселение, лежащее в стороне от деревни и не связанное как-либо с крестьянской общиной. Такие владения, по-видимому, восходили генетически к рабовладельческим виллам. Во-вторых, поместье могло находиться на территории села, располагаясь чересполосно с владениями крестьян или других динатов. Наконец, оно могло целиком охватывать зависимую крестьянскую общину (деревню), в той или иной степени подчиненную динату. Известия о динатских владениях X в., относящихся к последнему типу, сравнительно редки: мы, по-видимому, вправе говорить о них как о новой форме феодального владения.

Феодальное поместье — какими бы структурными типами оно ни было представлено — является по своей сущности организацией для присвоения феодальной ренты⁴². Именно в форме феодальной ренты, феодальных повинностей осуществляется в нем эксплуатация непосредственных производителей; следовательно, феодальная рента есть экономическая реализация феодальной собственности на землю, есть конкретное выражение феодального способа производства.

Изучение феодальной ренты в византийской деревне X в. чрезвычайно затруднительно, ибо до нашего времени сохранились лишь отрывочные и случайные свидетельства источников по этому вопросу. Вот почему мы можем дать лишь самую общую, самую суммарную характеристику византийской феодальной ренты этого времени.

Зависимые крестьяне должны были выполнять отработочные повинности, которые назывались ангариями. Новелла Романа Лакапина от 934 г. отмечает, что динаты, владеющие большим количеством рабов, мистиев и иных слуг, подчиняют своей власти крестьян-бедняков и вынуждают их выполнять ангарии⁴³. Упоминаются ангарии и в уставе афонских монахов, изданном Иоанном Цимисхием: устав запрещает игуменам принуждать монахов-келлиотов к отбыванию ангарий⁴⁴. Значение термина

³⁸ Vita Euthymii. Berlin, 1888, p. 13. 28.

³⁹ MM, VI, p. 5 и слл. Иногда в этой описи Варис называется просто проастием.

⁴⁰ Πέτρος, XXXVI, 15. См. П. В. Безобразов. Патмосская писцовая книга. ВВ, т. 7, 1900, стр. 74, прим. 1.

⁴¹ Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae, ed. H. Delehaye. Bruxelles, 1902, p. 939.1.

⁴² См. Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947, стр. 41.

⁴³ Jus, III, p. 247.2—6.

⁴⁴ П. Успенский. История Афона, т. III, ч. 1. Киев, 1877, стр. 272.31.

ангария в этих случаях не следует смешивать с обычным его значением, унаследованным от Римской империи, — „ямская повинность“.

Таким образом, самый факт наличия отработочной ренты в Византии X в. не вызывает сомнения, — однако скудость источников не дает возможности выяснить характер и распространенность барщины в это время.

Существовала в Византии в этот период и рента натурой. В одном из писем Николая Мистика упоминается ежегодная рента воском (τὸ ἐτήσιον τοῦ κηροῦ τέλος)⁴⁵, которая взималась церковью в определенном размере. К числу натуральных рент следует отнести и морту, упомянутую в Земледельческом законе (ст. 9—10) и представлявшую собой „десятый сноп“, десятую долю урожая. Морта упомянута также в акте 1008 г.⁴⁶ Мы встречаем ее и в поздних памятниках, но, видимо, уже в ином значении.

Грамоты XI в. отмечают существование натуральной ренты другого типа: это так называемые корзиночки (κλίσκιον). В одном из актов Русского монастыря на Афоне разъяснено, что эта рента состояла из ковриги хлеба, курицы, меры ячменя и полмеры вина⁴⁷. Нельзя сказать с уверенностью, что „корзиночки“ существовали уже в X в.: хотя этот термин встречается в хрониках X в.⁴⁸, он имеет там неопределенное значение.

О феодальной ренте говорит Константин Багрянородный в „Жизнеописании Василия I“, рассказывая, что император приказал отменить все поборы (πᾶσα δόσις), которые взимались в силу давно установившихся дурных обычаев (διὰ τὴν πονηρὰν ἀπὸ χρόνου συνήθειαν)⁴⁹. Однако из этого указания неясно, какую ренту имел в виду Василий I: продуктовую или денежную.

Денежная рента, взимавшаяся византийскими феодалами в XI в., чаще всего представляла собой модифицированный государственный канон. Так, государственные парики, переданные в частные руки, обязаны были платить государственный канон. Из Пиры (XVIII, 2) следует, что арендаторы церковных земель должны были платить землевладельцу государственные подати: синону и капникон. Те же повинности, синона и капникон, составляли основу ренты патмосских крестьян Андроника Дуки в конце XI в.⁵⁰

Таким образом, несмотря на скудость сохранившегося материала, можно утверждать, что в Византии X в. существовала феодальная рента в различных формах: отработочная, продуктовая и денежная. Если справедлива наша гипотеза о быстром росте денежного обращения в Византии X—XI вв.⁵¹, то мы могли бы предположить, что на это время приходится увеличение размеров денежной ренты крестьянства. Однако доказать это предположение нам не представляется возможным.

Феодальная рента уплачивается непосредственными производителями феодального типа, наделенными условиями производства (землей, ско-

⁴⁵ PG, t. CXI, col. 273.C. В другом письме он упоминает крестьян, обязанных вносить ренту капустой (τὴν τῆς κράμβης συντέλειαν) — *ibid.*, col. 380.C.

⁴⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. № 109. 12.

⁴⁷ Акты русского на св. Афоне монастыря св. великомученика Пантелеймона. Киев, 1873, № 19.138.

⁴⁸ Theoph. Cont., p. 708.1.

⁴⁹ *Id.*, p. 259.6—8.

⁵⁰ Впрочем, патмосские крестьяне XI в. должны были платить ряд дополнительных платежей, как то: зномий, прежде поступавший в распоряжение общины, и зевгартикий, взимавшийся в то время, видимо, с упряжек. См. об этих повинностях — Г. Острогорский. Византийские писцовые книги. Byzantinoslavica, IX, 1948, p. 244.

⁵¹ А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. СА, вып. XXI, 1954.

том, инвентарем). Этот непосредственный производитель (феодално-зависимый крестьянин) вынужден отдавать определенную часть производимого им продукта в форме феодалной ренты своему господину; такое присвоение прибавочного продукта феодално-зависимого крестьянина осуществляется в результате внеэкономического принуждения, т. е. в силу присвоения феодалом определенных прав на личность непосредственного производителя.

Следовательно, процесс становления феодалных отношений состоит в образовании феодалной собственности на землю, в подчинении мелкой крестьянской (общинной) собственности феодалу; другой стороной этого процесса становится оформление крестьянской зависимости в ее многообразных формах. Таким образом, процесс генезиса феодализма предполагает не только экспроприацию непосредственных производителей, т. е. лишение их собственности, но и аппроприацию их, т. е. превращение их в феодално-зависимое крестьянство⁵².

Процесс генезиса феодализма в Византии X в. протекал различными путями⁵³.

Основной предпосылкой формирования феодалных отношений явилось разложение крестьянской общины и образование в ее пределах мелкой вотчины, эксплуатировавшей труд рабов, мистиев, арендаторов. На первых порах динаты нередко выступают как члены общины. Новелла Константина VII прямо говорит о существовании знатных членов общины (οἱ περιφανέστεροι τῆς οἰκίας), к числу которых она причисляет школяриев, чиновников и т. п.⁵⁴ Крестьяне в Византии благодаря устойчивости общины даже сохраняли известные привилегии по отношению к динатам. В первой половине X в. крестьяне пользовались правом преимущественной покупки соседних динатских владений⁵⁵, тогда как динаты не могли покупать соседских крестьянских земель⁵⁶. В грамоте монастыря св. Андрея рассказывается о том, что судья Самона запретил друнгарию Иоанну и другим владельцам, земли которых граничили с отчуждаемым участком, предъявлять какие-либо права на отчуждаемую землю — на том лишь основании, что все они были динатами и обрабатывали свои земли при помощи зависимых людей⁵⁷. Следовательно, община в это время стремилась обеспечить права рядовых общинников путем ограничения сферы действия „права близости“, принадлежавшего динатам.

Только в новелле Никифора Фоки от 967 г. было установлено, что динаты должны пользоваться преимущественными правами при покупке соседней динатской земли, а крестьяне — по отношению к соседним

⁵² Вряд ли следовало бы специально подчеркивать, что процесс формирования феодалных отношений являлся объективным экономическим процессом, не зависевшим от воли отдельных людей, — если бы в исторической литературе не появлялись иные точки зрения. Так, рост динатской собственности X в. иной раз объясняется появлением того или иного императорского закона — см. P. Charanis. *The aristocracy of Byzantium. „Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson“*. Princeton, 1951, p. 337, n. 3.

⁵³ М. М. Фрейденберг (Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв., стр. 4 и сл.) намечает три основных пути формирования феодалной собственности: захват крестьянской земли, сопровождающийся сгоном крестьян, которые превращались затем в „присельников“ на помещичьей земле; прекарная зависимость; патронат, т. е. присвоение феодалом определенной доли централизованной ренты.

⁵⁴ Jus, III, p. 255.30.

⁵⁵ Ibid., p. 299.17.

⁵⁶ Ibid., p. 240.20—22.

⁵⁷ Lavra, № 2, 22—23. В данном случае это правило было использовано в интересах монастыря — см. G. Ostrogorsky. *The peasant's pre-emption right*, p. 121 f.

крестьянским землям⁵⁸. Эта новелла явилась важным шагом в юридическом оформлении исторически уже сложившегося различия между динатским и крестьянским землевладением.

В X в. и даже еще в XI в. динаты не приобрели права на выморочную землю крестьян. Только в том случае, если все крестьяне-общинники отказывались владеть опустевшей землей и платить за нее подати, эпит по прошествии 30 лет мог сдать выморочные земли в аренду или продать их⁵⁹. Еще в XI в. императоры должны были давать специальное разрешение на передачу крестьянских выморочных наделов тому или иному монастырю⁶⁰.

Постепенно динаты приобретают особое место в общине. Говоря словами Ф. Энгельса, сказанными применительно к истории средневековой Германии, „вскоре, несмотря на упорное сопротивление крестьян, они приобрели во многих местах привилегии в марке, а подчас даже сумели подчинить ее своей господской власти“⁶¹. Процесс подчинения общины „господской власти“ отражен в дополнительных статьях Земледельческого закона. Эти статьи направлены прежде всего на охрану частной собственности, рождавшейся в недрах общины, и соответственно — на ликвидацию общинных форм собственности. Так, ст. 87, опираясь на нормы римского права, отменяет существовавшее в византийской общине право на чужую землю и запрещает сеять и сажать на чужой земле (ἐν ἀλλοτρίῳ ἐδάφει). Особенно существенна ст. 84, свидетельствующая о коренных сдвигах, которые произошли в византийской деревне. Деревня находится теперь в собственности феодала, которого Земледельческий закон именует δεσπότης τοῦ χωρίου⁶², а крестьянин (γῶργός) превратился в зависимого человека, лишенного права перехода. Его имущество уже не является собственностью, но обозначается характерным термином рабовладельческого права — пекулий⁶³.

Византийское законодательство, в том числе и памятники римско-византийского права, содействовало процессу закрепощения крестьянства: юридические документы могли быть использованы в целях оформления социального неравенства. Так, мистот, т. е. батрак из разорившихся крестьян, рассматривается в Василиках (IV, 1.3), как принадлежащий господину: если мистот уходит, господин имеет право его разыскивать. В соответствии с этим Пира (XXX, 26) подчеркивает социальную неополноправность мистота: ему запрещается выступать по тяжбам его господина. Еще далее идет Пира (LI, 1), когда признает за господином право судить своего мистота. Наконец, схолия к Василикам (LX, 17.7) по существу приравнивает мистота к рабу.

Чрезвычайно показательны некоторые положения и формулировки Эклоги, измененной по Прохирону, поскольку этот памятник считался с нормами обычного права. Подобно дополнениям к Земледельческому закону, Эклога, измененная по Прохирону, охраняет частную собственность от притязаний общин и запрещает строить, сеять и сажать на чужой земле (XXV, 18). Колоны ставятся в этом памятнике в один ряд с господ-

⁵⁸ Jus, III, p. 298.

⁵⁹ Tract., S. 116.15.

⁶⁰ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 93.

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 639.

⁶² Ср. ἀρχὸν τῆς χωμῆς, — PG, t. CXX, col. 160.A. Таким господином деревни был уже известный нам Филокали.

⁶³ К сожалению, мы не можем точно определить время составления дополнительных статей Земледельческого закона.

скими рабами (XXX, 8), а вопрос об энапографх рассматривается в титуле о рабах и освобождении их; при этом, считая энапографов крепостными, составитель Эклоги, измененной по Прохирону, разбирает вопрос, как должны быть разделены дети двух энапографов, принадлежащих разным господам (X, 15). Таким образом, если дополнения к Земледельческому закону лишь сближают собственность крестьянина с пекулием, то этот памятник идет дальше и сближает самого зависимого крестьянина с рабом. Недаром Эклога, измененная по Прохирону, противопоставляет бедняка (*ἄπορος*) свободному (XVIII, 10).

Мало-помалу динаты расширяли свои владения. Хроники постоянно говорят о насилиях и грабежах динатов, присваивающих владения бедняков и создающих на их месте собственные проастии⁶⁴. Яркую картину такого насилия рисует Фотий в письмах к ксенодоху Дамиану. Фотий пишет, что к нему явился бедняк (*ἄνθρωπος πέννης*), весь в слезах; его хитонишко (*χιτωνίτικος*) был изорван, а на лице виднелись следы побоев. Он жаловался Фотию, что получил эти побои, пытаясь отстоять свою землю (*γῆδιον*) от людей ксенодоха Дамиана⁶⁵. Во втором письме Фотий порицает Дамиана, который до сих пор не возвратил землю бедняка, отнятую противозаконно (*τυραννίδι καὶ βίβη*)⁶⁶. Афонские акты также рассказывают об ожесточенной борьбе между крестьянами Иерисса и афонскими монахами, претендовавшими на землю этих крестьян⁶⁷.

Особенно детально о насилиях динатов X в. сообщают новеллы византийских императоров. Они свидетельствуют о том, что динаты, опираясь на свое богатство, используя своих рабов, производят захваты в деревнях, налагают на крестьян повинности, подчиняют их своей власти⁶⁸. Новелла Константина VII устанавливает штраф для знатного человека, превратившего стратиота в зависимого крестьянина: с него взыскивалось 36 золотых номисм. Половина этой суммы уплачивалась в казну, половина шла в пользу пострадавшего стратиота⁶⁹.

О конкретных фактах насилий динатов говорят многочисленные параграфы Пирры. Динаты захватывали чужие поля (XXXI, 12) и виноградники (XVIII, 6), владели землей бедняков (XL, 12), составляли подложные документы (LXIV, 3). Пира (XXXVI, 18) рассказывает, что патрикий Триаконтафил „купил“ землю, не уплатив за нее денег, а из другого параграфа (IX, 2) мы узнаем, что такие „покупки“ были частым явлением. В других случаях динаты покупали землю за неполную цену (XXX, 12), а то и захватывали чужое владение путем прямого насилия (LXVI, 26). Несколько раз Пира упоминает о незаконных действиях одного из могущественных динатов — магистра Склира. То Склир совершает насилие по отношению к крестьянам (*χωρίτικε*) и вторгается в их дома (XLII, 18), то он отнимает чужое имущество и произвольно заключает людей в тюрьму (XXIII, 7)⁷⁰.

Феодалы расширяли свои владения также путем легальных по форме приобретений (покупки, аренды и обмена) и проникали таким образом в те деревни и хутора, в которых они до сих пор не имели земли⁷¹.

⁶⁴ Theoph. Cont., p. 447. 4—18.

⁶⁵ PG, t. CII, col. 952. A—B.

⁶⁶ Ibid., col. 877. A. Cp. ibid., col. 880. A—B.

⁶⁷ K. Lake. The early days of monasticism on Mount Athos. Oxford., 1909, p. 76—79.

⁶⁸ Jus, III, p. 247. 2—6.

⁶⁹ Ibid., p. 266. 14.

⁷⁰ См. о нем также Пейрра, XLII, 11 и XIX, 5. Управляющий (эпискепит) Романа Склира произвольно передавал земли, скот и движимое имущество одним крестьян другим — Пейрра, XLII, 19.

⁷¹ Jus, III, p. 240.

Новелла Константина VII от 947 г. порицает динатов Фракисийской фемы, которые, пренебрегая „законами и естественным правом“, вторгаются в деревни и под предлогом покупки, дарения и наследования тиранят несчастных бедняков и превращают их в беглецов (*μεταναύσται*)⁷², т. е. принуждают покидать родные края.

Византийское право конца IX в. содействовало всякого рода „законным“ сделкам динатов. В Василики было включено постановление, разрешающее под предлогом подарка (*δωρεᾶς αἰτίαι*) приобретать землю за пониженную цену⁷³. В интересах крупных собственников и прежде всего церкви Лев VI в 50-й новелле облегчил дарственные сделки, отменив правило, требовавшее, чтобы о всякой дарственной в размере свыше 500 номисм было совершено официальное объявление перед чиновниками⁷⁴. В 84-й новелле Льва VI чиновникам, кроме стратигов, было дано разрешение приобретать земли в своих фемах.

Другим путем формирования феодального поместья служила прекарная зависимость. Насколько можно судить на основании скудных данных источников, византийский прекарный имел преимущественно форму *precaria oblata*. Новеллы X в. свидетельствуют о том, что крестьяне передавали свои земли под „защиту“ (*προστασίαι*) феодалов⁷⁵. Иллюстрацией этого положения может служить афонский акт 897 г., рассказывающий о том, что крестьяне деревни Драговунты Феодор и Никита передали игумену монастыря Перистеров свою землю, а кроме того, приняли на себя обязательство платить монастырю небольшую ежегодную денежную ренту (5 милиарисиев)⁷⁶.

Разумеется, прекарные отношения устанавливались не по доброй воле крестьян: они должны были вступать в личную зависимость от феодалов в силу обстоятельств, принуждаемые к тому бедностью, бременем податей или прямыми угрозами. По-видимому, в голодные годы число крестьян, вступающих в прекарные отношения, резко возрастало. Возможно, что крестьяне, продававшие земли феодалам во время голода 928 г., оставались на своей земле, получая ее в качестве *precaria oblata*; феодал выплачивал крестьянину некоторую сумму денег или выдавал хлеб. При таком допущении становится понятным, почему выплаченная феодалами сумма была, как правило, несравнимо ниже действительной ценности земли.

К прекарным отношениям близка была передача феодалу так называемой *χρησις*, т. е. „пользования“, „узуфрукта“. Мы встречаем ее упоминание в новелле Романа Лакапина, который запретил динатам приобретать земли *κατὰ μόνην χρησιν*⁷⁷. Роман II, отступая от принципов законодательства Романа Лакапина, допускает *χρησις* в том случае, когда крестьянин не может выплатить долга: крестьяне должны были на время передавать феодалу „пользование“ их наделами (*ἢ τῶν τόπων χρησιν*), — при этом Роман II торжественно провозглашает, что „убогие“ ни в коем случае не должны лишаться собственности (*δеспотείαι*)⁷⁸.

Что же представляла собою византийский „узуфрукт“ X в. ? Новелла 947 г. рисует конкретную картину такого „узуфрукта“. Крестьянин про-

⁷² Jus, III, p. 253. 3—9.

⁷³ Synopsis Basilicorum, A, III, 9. (из Bas., XIX, 1. 32).

⁷⁴ H. Monnier. La Nouvelle L de Léon le Sage et l'insinuation des donations. „Mélanges P. F. Girard“. Paris. 1912. Ср. P. Marc. BZ, 22, 1913, S. 302 f.

⁷⁵ Jus, III, p. 240. 22.

⁷⁶ Lavra, № 1. 24—27. См. анализ этой грамоты — Е. Э. Липшиц. Из истории славянских общин в Македонии. Сборник статей „Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия“. М., 1952, стр. 53 и сл.

⁷⁷ Jus, III, p. 240. 22.

⁷⁸ Ibid., p. 283. 31—32.

должает оставаться на земле и обрабатывает ее, покуда не выплатит феодалу установленной суммы. При этом он удерживает из урожая лишь то, что необходимо для поддержания существования и для возделывания поля (*πρὸς τὴν ἀναγκαίαν χρείαν καὶ γεωργίαν τοῦ ἀγροῦ*), а все остальное идет феодалу⁷⁹.

Таким образом, *χρῆσις*, как ее рисует новелла 947 г., коренным образом отличается от узуфрукта римского права. „Узуфрукт поля, — определяет схолия к Василикам, XVI, 1. 7, — состоит в том, чтобы обрабатывать поле и пользоваться всем, что на нем произрастает“. Согласно Василикам, именно узуфруктуарий обрабатывает поле (XVI, 1. 9), он живет на поле и может не допустить туда хозяина поля⁸⁰, он пользуется дровами, садом, фруктами, овощами, водой⁸¹. Именно поэтому Василики в качестве примера узуфруктуария приводят мистота (XVI, 1. 34 § 1) или раба (XVI, 4. 18), а не дината, который выступает псевдо-узифруктуарием в новеллах X в.

Не имеет ничего общего *χρῆσις* X в. и с антихрезой Василик. Антихреза представляла собою такой залог, когда плоды заложенного поля поступали кредитору в уплату процентов⁸². Однако в этом случае кредитору предоставлялось владение (*νομή*) залогом (Basil., XXV, 1. 34), тогда как в новеллах X в. крестьянин сам обрабатывал поле, удерживая у себя то, что мы можем назвать необходимым продуктом, и передавая феодалу прибавочный продукт.

Пира не сохранила учения Василик об узифрукте: в соответствующем 46-м титуле Пире нет ни одной ссылки на Василики. Согласно своеобразной юридической конструкции, развитой в Пире, собственность и узифрукт выступают как два вида вещного права, различающиеся лишь в количественном отношении: собственнику принадлежат $\frac{2}{3}$, а узифруктуарию $\frac{1}{3}$ вещи⁸³. В соответствии с этим Пира (XIX, 39) признает за собственником право на плоды. Все это свидетельствует о том, что юристы X—XI вв. пытались переосмыслить римское понятие узифрукта.

Χρῆσις далеко не всегда оставалась временной: неурожаи, падеж скота и любое иное бедствие (не говоря уже о прямом насилии) приковывали крестьянина прочными цепями к „временному“ владельцу его надела.

К образованию особой категории феодально-зависимого крестьянства вело изменение характера аренды. Византийское право X в. различало две формы аренды: решения магистра Космыя противопоставляют обычную аренду (*μισθωσις*) и так называемое держание на парическом праве (*παροικικὸν δικαίον*)⁸⁴.

Применение термина парик в значении „присельник“, человек, поселяющийся на чужой земле, восходит к традиции священного писания⁸⁵. Это значение термина парик принято и Лексиконом Свида (*s. v. παροικίχ*), и агиографической литературой. В житии Стефана Нового монахи, бежавшие из Константинополя во время торжества иконоборцев, названы чужаками и париками⁸⁶. Житие Луки Эладского повествует, как родители

⁷⁹ Jus, III, p. 255. 26—29.

⁸⁰ Bas., XVI, 8. 10 § 4 и XVI, 8. 12 § 1.

⁸¹ Ibid., XVI, 4. 13 и XVI, 8. 12 § 1. В данном случае несущественно разграничение между узусом и узифруктом, которое проводит римское право.

⁸² Ibid., XXV, 1. 32 и схолия к этому параграфу.

⁸³ Πεῖρα, XLVI, 1 и 3.

⁸⁴ Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты, Л., 1927, стр. XXXV.

⁸⁵ Псал. XXXVIII, 13 и CXIX, 9; Быт., XXIII, 4. Этот термин встречается и в „Дигестах“ (L, 16, 239) — см. P. Charanis. On the social structure, p. 137.

⁸⁶ PG, t. C, col. 1120. В. Ср. аналогичные выражения в житии Евдокима, изд. X. Лопарев. ИРАИК, т. 13, 1908, стр. 210. 18 и в житии Николая Студита (PG, t. CV,

героя, переехав на новое место, разбивают там „шатры парикии“⁸⁷. Во всех этих случаях термин парик не имеет специального значения: жития придают ему традиционный библейский смысл. Поэтому на основании употребления этого термина в житийной литературе нельзя делать никаких выводов о социальной природе парикии. Однако библейско-агиографическое значение этого термина объясняет, почему византийское право, начиная с Юстиниана, приняло его для обозначения арендатора, сидящего на чужой земле⁸⁸.

Юридическая дефиниция между обычной арендой и держанием на парическом праве, которая, как мы видели, проводится в решении магистра Косьмы, была порождена тем, что византийское право не допускало аренды на срок, превышающий 30 лет, ибо тридцатилетнее непрерывное пользование вело по правилу прескрипции к установлению права собственности арендатора на арендованную землю⁸⁹. Хотя Пира (VIII, 5) подчеркивает, что прескрипция не имеет силы на церковных землях, все же каноническое право запрещало сдавать земли в аренду на срок свыше 27 лет⁹⁰, ибо церковь боялась прескрипции. При этом канонисты подчеркивали, что это запрещение относится к архонтам, ибо именно от них церкви могла грозить опасность, однако они разрешали крестьянскую долгосрочную аренду, „ибо крестьяне необразованы, бедны и покорны“⁹¹.

Из этого можно сделать вывод, что канонисты различали обычную аренду (не свыше 30 лет) и крестьянскую долгосрочную аренду: последняя и носит название парикии. Это предположение подтверждается и монастырским уставом Григория Бакуриани (конец XI в.), который запрещает продавать землю или сдавать ее в аренду (*μήτε πωλεῖν μήτε ἐκδοῦναι*) кому-либо за исключением монастырских париков⁹².

Существование церковных париков-арендаторов засвидетельствовано хронистами, рассказывающими о событиях начала IX в.⁹³ В X в. парик-присельник — это крестьянин, арендующий чужую землю, за пользование которой он платит капникон, а также, быть может, несет и другие повинности⁹⁴. Земля, на которой он сидит, ему не принадлежит: магистр Косьма, запрещая церковным парикам отчуждать землю, подчеркивает, что именно церковь является господином, собственником этой земли⁹⁵. Но и он уже должен был указать на наличие элементов владельческих прав, которыми обладал парик: магистр Косьма утверждает, что если парик уходил с земли, на которой он сидел, церковь должна была выдать ему материал возведенных им строений⁹⁶.

Несколько иначе конструируется понятие парикии в более поздней Пире; автор ее указывает, что парики-арендаторы после тридцатилетнего пользования наделом приобретают квази-владельческие права (*ὡς δεσπό-*

col. 908, B). Свидетельство этих житий VIII—IX вв. позволяет уточнить суждение А. П. Рудакова („Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии“, М., 1917, стр. 189), полагавшего, что в агиографической литературе термин парик появляется только с X в.

⁸⁷ PG, t. CXI, col. 44. A.

⁸⁸ См. Syn. Basil., II, VII. 1.

⁸⁹ Πείρα, VIII, 11 и XV, 17.

⁹⁰ Ф. И. Успенский. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов, ИРАИК, т. 5, 1900, стр. 31. 14.

⁹¹ PG, t. CXXXVII, col. 952.

⁹² L. Petit. Typicon de Grégoire Pacourianos. ВВ, т. 11, 1904. Прилож., стр. 51.19.

⁹³ Theophanes, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1883, vol. I, p. 456; Cedrenus, II, p. 37. 17.

⁹⁴ Πείρα, XVIII, 2.

⁹⁵ Ф. Успенский и В. Бенешевич. Вазелонские акты, стр. XXXV.

⁹⁶ Там же, стр. XXXVI.

та)⁹⁷: если в течение тридцати лет они оставались на одном и том же участке, собственник не может согнать их¹⁸. Земли, находившиеся во владении париков, в документах XI в. именуются специальным термином *παροικότητις*⁹⁹, который может быть переведен как „паричская земля“. Парики XI в. платят не капникон, но особую ренту, так называемый пакт¹⁰⁰. Если в X в. пакт включался в состав государственного канона¹⁰¹, то в XI в. он выступает как повинность, отличная от государственных податей; в более поздних памятниках этим термином обозначается один из видов феодальной ренты¹⁰².

Документы X в. рассматривают париков как зависимых людей. Монахи афонской Лавры жаловались императору Льву VI, что монастырь Иоанна Колову захватывает их земли, а с ними обращается как с собственными париками¹⁰³.

Константин VII угрожает в одной из новелл тому, кто осмелится захватить стратиотский надел или превратить стратиота в зависимого человека, в парика¹¹⁴.

Таким образом, к X—XI вв. парик превращается в феодально-зависимого крестьянина, платящего особую ренту (пакт) и в то же время наделенного особыми правами на свое хозяйство: он пользуется владельческими правами не только на инвентарь, но и на землю.

Акты конца X в. упоминают париков во владении различных монастырей. Латрский монастырь обладал некоторым числом париков¹⁰⁵; монастырь Иоанна Колову имел не менее 40 париков, часть которых жила в Иериссе, тогда как другие обрабатывали земли, принадлежавшие монастырю и расположенные вокруг Иерисса¹⁰⁶. Грамота 991 г. упоминает стада, принадлежавшие парикам афонских монастырей¹⁰⁷. Император Василий II закрепил за болгарскими церквями в начале XI в. по 10—40 париков¹⁰⁸.

Частновладельческие парики X—XI вв. еще обладали свободой перехода. Решение магистра Космы свидетельствует, что парики могли покидать церковные земли, и епископ обязан был даже выдать им материал возведенных ими строений. Свобода перехода париков засвидетельствована также одним письмом Михаила Пселла: в этом письме Михаил Пселл обращается к судье с просьбой воспрепятствовать задуманному париками переселению¹⁰⁹. Просьба эта чрезвычайно характерна: она показывает, что феодалы в XI в. стремились добиться запрещения свободы перехода париков, — правда, требования эти ограничивались пока еще отдельными конкретными казусами. Наличие свободы перехода отличает париков-арен-

⁹⁷ Γ' εἶρη, XV, 2.

⁹⁸ Ibid., XV, 3.

⁹⁹ L. Petit. Typicon de Grégoire Rasourianos, p. 51.16; MM, VI, p. 1. 3. Сходный термин употребляет и Пира (Πεῖρη, XV, 2: τῆς παροικίας αὐτῶν τόπις)

¹⁰⁰ Γ' εἶρη, XV, 2.

¹⁰¹ τὰ ἀπαγορευμὲνα πᾶхта ἐν τῇ διαίχῃσι δημοσίως ὑπάρχει καὶ ὧν — Tract., 123. 1—2.

¹⁰² А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 130. В „Пире“ (XV, 14) термином пакт названа одна из составных частей арендной платы.

¹⁰³ П. Успенский. История Афона, т. III, ч. 1, Киев, 1877, стр. 297. 24.

¹⁰⁴ Jus, III, p. 266. 14. Ср. ibid., p. 266. 24.

¹⁰⁵ MM, VI, p. 307. 26. и 308. 1.

¹⁰⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. № 56. 5.

¹⁰⁷ Lavra, № 10. 13—14.

¹⁰⁸ H. Gelzer. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümverzeichnisse der orientalischen Kirche. BZ 2, 1893: Ср. также Г. Острогорски. О византийском джржавним селацима, стр. 27—29.

¹⁰⁹ Н. А. С ка б а л а н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. 249.

даторов от государственных париков, которые не имели права покинуть свой участок и только задавленные податным гнетом, они уходили в бега.

Итак, парики X в. — не свободные поселенцы; образование этой категории зависимого крестьянства — продукт распада общины; парики — это крестьяне (скорее всего, бедняки), которые оказались вынужденными арендовать земли феодалов и постепенно превращались в наследственных держателей феодального типа.

Для обозначения зависимых крестьян в X в. употреблялся также термин проскафимены. В одном из афонских актов упомянуты владения, принадлежавшие динатам; на этих землях работали проскафимены¹¹⁰. Специфические черты зависимости проскафименов X в. нельзя выяснить из-за недостатка источников — более поздние документы показывают, что между париками и проскафименами не было непроходимой гради¹¹¹. Николай Мистик употребляет другой термин, возможно, обозначающий зависимых крестьян: в одном из писем он говорит, что монастыри приобретают новые земли и ὑποφουόντες¹¹², однако конкретного представления об этой категории зависимых людей мы не имеем.

В литературных памятниках для обозначения зависимых крестьян применялся термин ἀγρότης. Во всяком случае, этот термин иногда противопоставляется термину γεωργός и обозначает категорию крестьян, стоящую ниже γεωργοί. Житие Георгия Амастридского перечисляет три категории сельского населения: ἀγρότης, γεωργός и стратиот, — которые, по словам агиографа, резко отделены одна от другой. „Люди духовные, — пишет он, — узнают друг друга с первого взгляда, как ἀγρότης узнает ἀγρότην, γεωργός — γεωργόν и стратиот стратиота“¹¹³.

Термин ἀγρότης часто встречается в литературных памятниках и, хотя он ни в одном случае не относится к строго определенной по своему социальному положению группе крестьян, этот термин, как правило, несет в себе оттенок приниженности. Иоанн Геометр говорит об агротях как о нищих людях, живущих в хижинах¹¹⁴. Житие Филарета Милостивого упоминает нищего агрота, который лишился быка и не имеет возможности уплатить долги и подати¹¹⁵. Житие Константина Иудея называет агротами киликийских крестьян-бедняков¹¹⁶.

Существовала тенденция к превращению в феодально-зависимых крестьян также и сельских мистиев (мистотов). Постепенно к XIII в. этот процесс получает свое завершение: мистоты сплошь да рядом в XIII в. выполняют барщину и платят денежную ренту¹¹⁷. Видимо, и посаженные на землю рабы превращались в зависимых крестьян¹¹⁸.

¹¹⁰ Lavra, № 2. 21. По-видимому, владельцы этих проскафименов были мелкими феодалами.

¹¹¹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв., стр. 134. Иначе — P. Charanis. On the social structure, p. 141.

¹¹² PG, t. CXI, col. 304. В.

¹¹³ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. II. СПб., 1893, стр. 23.4—6.

¹¹⁴ PG, t. CXI, col. 958. В.

¹¹⁵ А. Васильев. Житие Филарета Милостивого, стр. 66.19.

¹¹⁶ AASS Nov., t. IV, col. 639. С.

¹¹⁷ См. об этом А. П. Каждан. Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. „Уз Тульского пединститута“, вып. II, 1951, стр. 83—84.

¹¹⁸ М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории, стр. 18; G. Ostrogorski. La paysannerie byzantine, p. 73. Совершенно произвольно утверждение Ж. Руйяр (G. Rouillard. La vie rurale dans l'Empire byzantin, p. 97), считавшей, что δούλος — свободный работник. См. критические замечания Г. Острогорского (BZ, 47, 1954, S. 422 f).

Наряду с этими „классическими“ путями становления феодальной зависимости мы можем наблюдать в Византии X в. еще один путь, являвшийся в значительной мере специфически византийским¹¹⁹. Зависимыми крестьянами здесь неминуемо должны были стать государственные крестьяне, попадавшие в силу тех или иных условий под патронат крупного светского или духовного землевладельца. Крестьянами под патронатом мы будем условно называть таких крестьян, которые уплачивали государственные подати не в казну, а светским или духовным феодалам. Следовательно, крестьяне этой категории выполняли — во всяком случае, первоначально — лишь те повинности, которыми они до сих пор были обязаны казне. Иными словами, здесь феодальная рента внешне еще неотличима от государственного налога, а феодальная зависимость по форме сходна с подданством. „При таких обстоятельствах, — говорит К. Маркс, — отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству“¹²⁰.

При таком патронате могли сохраниться внешне неизменные общинные отношения, хотя на деле личная власть феодала над общиной, определенные права, полученные им в целях обеспечения возможности взыскания податей, — все это порождало тенденцию к полному подчинению полузависимого крестьянства.

Формы византийского патроната были разнообразны. Повидимому, патронатные отношения скрываются под термином *τελεῖν ὑπό τινα*, „платить под кем-либо“. О крестьянах, „платящих под господами“, говорит в общей форме Эпанагога (V, 2). Встречаются также упоминания деревни, „платящей под архиепископией“¹²¹.

Однако даже если допустить, что это выражение означало состояние зависимости, патроната, придется признать, что степень зависимости была в таком случае незначительной. Житие Филарета Милостивого повествует о пафлагонской деревне Амния, которая „платила под Гангрской митрополией“. Среди жителей этой деревни были и такие богатые люди, как сам Филарет. Жители деревни Амния свободно распоряжались своим имуществом, продавая и покупая землю.

Таким образом, термин *τελεῖν ὑπό τινα*, применявшийся в IX—X вв. преимущественно к целым общинам, а не к отдельным крестьянам, означал, скорее всего, отношения, сводившиеся к обязанности деревни вносить государственные подати не в казну, а крупным земельным собственникам, прежде всего церкви. Были ли уже в это время с понятием *τελεῖν ὑπό τινα* связаны какие-либо формы зависимости, сказать трудно: во всяком случае, источники не дают об этом никаких сведений. Можно лишь указать, что выражение *τελεῖν ὑπό τινα* могло быть применено и

¹¹⁹ Мы оставляем в стороне сложный вопрос о генезисе феодализма в странах Ближнего Востока, где многие процессы могут иметь известное сходство с процессами развития византийского феодализма. Исходным пунктом дальнейших рассуждений является признание элементов верховной собственности государства на землю. См. об этом J. Danstrup. *The state and landed property in Byzantium to c. 1250. „Classica et Mediaevalia“*, vol. VIII, 1947, p. 240 f. и А. П. К а ж д а н. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв., ВВ, т. X, 1956, стр. 59 и сл.

¹²⁰ К. Маркс. *Капитал*, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 804.

¹²¹ Jus, III, p. 236. В нарративных источниках мы встречаем упоминание деревень, которые „платили под“ каким-нибудь городом (Арсений. *Житие Феодоры Солунской*. Юрьев, 1899, стр. 33.38); см. А. П. Рудаков. *Очерки византийской культуры*. . . , стр. 175) или даже фемой (AA SS Nov., t. III, col. 301; *Theoph. Cont.*, p. 6, 9). В этих случаях мы не вправе говорить о патронатных отношениях.

для характеристики таких отношений, которые не сводятся к патронату: хроника продолжателя Феофана пользуется этим термином \ddagger для обозначения отношения малолетнего императора к его опекунам¹²².

Иной формой патронатных отношений являлся *λογίσμιον σολέμνιον*, описанный в Трактате об обложении. Трактат указывает, что император по просьбе монахов того или иного монастыря заменял денежное пожалование, установленное для этого монастыря, некоторой суммой (*ποσότης*) государственного канона, которую должны были платить крестьяне не подчиненных монастырю деревень (*χωρίων τινων μὴ ὑποκειμένων τῷ αὐτῷ εὐαγγελί οἴκῳ*)¹²³. Такая форма пожалования и называлась *λογίσμιον σολέμνιον*. Правда, в трактате подчеркивается, что деревни, платившие *λογίσμιον σολέμνιον*, не считались собственностью монастыря-патрона, однако по существу эта форма отношений вела к установлению феодальной собственности¹²⁴.

К патронату¹²⁵ близки по своей природе отношения, описанные Константином Багрянородным в сочинении „Об управлении империей“. Мы имеем в виду те отношения, которые были установлены в начале IX в., при императоре Никифоре I, между митрополией св. Андрея и приписанными к ней славянскими общинами¹²⁶.

Известие Константина Багрянородного уже не один раз было предметом рассмотрения историков. Е. Э. Липшиц сближала повинности славянских общин, приписанных к митрополии св. Андрея, с десятиной-мортой¹²⁷. М. В. Левченко характеризовал эти славянские общины как крепостные¹²⁸. С этими предположениями вряд ли можно согласиться.

Константин следующим образом описывает повинности, возложенные на патрасских славян: „Приписанные к митрополии славяне кормят страстигов, царских чиновников и всех иноземных послов, имея [для этой цели] собственных стольничих, поваров, всех [лиц], приготавливающих кушанья к столу. Митрополия не вмешивается в это, но славяне сами совершают все необходимое путем раскладки (*διανομή*) и взаимной помощи (*συνδοσία*) общины (*τῆς ομάδος*)“. Далее Константин указывает, что повинности славян были детально (*λεπτομερῶς*) определены в сигиллии Льва VI, где митрополиту было запрещено переводить их на деньги (*ἀπαργυρίζεσθαι*).

Хотя Константин и называет патрасских славян *ἐναπόγραφοίμενοι*¹²⁹ (что, видимо, и дало М. В. Левченко основание характеризовать их как

¹²² Theoph. Cont., p. 381.5. Ср. PG, t. CXI, col. 332.D. В памятниках XIII—XIV вв. выражение *τελεῖν ὑπὸ χειρῶν* — означало личную зависимость в более широком смысле слова. Этот термин применялся для характеристики зависимости париков от пронаров (MM, IV, p. 199) или зависимости вассала от сеньора — Cantac., I, p. 83.10. Ср. также ниже, стр. 118.

¹²³ Tract., S. 117.42.

¹²⁴ От *λογίσμιον σολέμνιον* следует отличать другие виды солемниев, как-то: освобождение монастыря или церкви от уплаты государственных налогов или пожалование монастырю определенной суммы из государственного канона, собираемой податными сборщиками.

¹²⁵ Быть может, патронатные отношения скрывались также за термином *ἐπιπέψασθαι τὸ χωρίον* — PG, t. CXI, col. 260. В.

¹²⁶ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, ed. by G. Moravcsik. Budapest, 1949, cap. 49.65—76, p. 230 sq.

¹²⁷ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. ВС, М.—Л., 1945, стр. 124. Аргументация Е. Э. Липшиц опирается на предположение, что морта является „десятиной, уплачиваемой духовному землевладельцу“.

¹²⁸ М. В. Левченко. История Византии, стр. 151.

¹²⁹ Термин *ἐναπόγραφοι* встречается также в энкомии Константину VII (А. Пападопуло-Керамевс. *Ἀνάλεκτα*, т. I, стр. 115.21), где он обозначает крестьян (зависимых?), которые были зачислены в войска магистра Пофа Аргири.

крепостных), из всего текста видно, что они не имеют ничего общего с римскими адскрипциями. Повинности патрасских славян не носят частного-правового характера (и, в частности, не схожи с мортой): славяне были обязаны выполнять лишь тяжелую государственную повинность — построй. Что же касается до церкви, то она не только не имела права вводить новые повинности, но даже не должна была вмешиваться в организацию общинами приема чиновников и послов.

Иначе говоря, на патрасских славян была переложена государственная повинность, которая до того была повинностью митрополии. При этом такая организация взимания ренты не разрушала общинных связей. То обстоятельство, что патрасские славяне выполняли государственные повинности, не отличавшиеся в принципе от ренты экскуссатов дрома, позволяет рассматривать их как „крестьян под патронатом“.

Все рассмотренные до сих пор формы патроната имеют между собой то общее, что община противостоит здесь патрону как целое. Это обстоятельство давало крестьянам возможность для организации сравнительно стойкого сопротивления натиску феодалов. Гораздо более пагубной для крестьян формой патроната являлось господство над переданными в частные руки государственными париками.

Государственные парики (*πάροχοι δημοσίου*)¹³⁰ в грамотах X—XII вв. постоянно противопоставляются частновладельческому парикам-арендаторам. Грамоты, пожалованные Хиосскому монастырю Неа Мони (XI в.), резко подчеркивают различие между ними: никто не имел права выселить из владений Неа Мони монастырских париков, но это постановление не распространялось на париков, которые платили подати в казну¹³¹. Акт отвода земли монастырю Богородицы Милостивой (середина XII в.) особо отмечает, что монахи не имеют права вступать во владения государственных париков, которые сами платят в казну причитающиеся с них налоги¹³². Государственные парики были прикреплены к земле: грамоты X в. запрещают им поселяться во владениях частных лиц¹³³.

До нас дошел ряд актов, рисующих передачу государственных париков отдельным феодалам. Подобная передача не была реальным дарением парика: государство на первых порах передавало монастырю или светскому феодалу лишь некоторую сумму податей с определенного числа (*ἀριθμός* или *πόσων*) париков¹³⁴. В X в. монастырю св. Андрея (близ

¹³⁰ Этот термин не встречается в новеллах императоров X в., но употребляется в деловых документах, начиная с питакция Иоанна Цимиския, текст которого восстанавливает Г. Острогорский по изданному И. Ивиритом сигиллию Феодора Кладона и сигиллию протоспафария Симеона (Lavra, № 9. 5). Ср. также Lavra, № 28.32. В более поздних документах чаще употребляется термин *δημοσίοι πάροχοι* — см. L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié. ИРАИК, т. 6, 1900, стр. 43.24, MM, VI, p. 255.5; L. Petit. Actes de Chilandar, № 58.7; Д. Ангелов („Принос к земельным отношениям в Византии през XIII век“). „Годишник на философско-историческая факултет“, кн. II, София, 1952, стр. 74) считал их париками императорских доменов, однако Г. Острогорский показал, что этим термином обозначали крестьян, обязанных уплатой государственных податей (Г. Острогорски. О византском державном сельцаима, стр. 39 и сл.; G. Ostrogorskiij. La paysannerie byzantine, p. 18). Иную точку зрения защищает М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону (ВВ, т. X, 1956, стр. 43).

¹³¹ MM, V, p. 7—8.

¹³² L. Petit. Le monastère de Notre-Dame, p. 44.5.

¹³³ Lavra, № 9.4—7. Ср. Lavra, No. 57.120.

¹³⁴ Беглые замечания об *ἀριθμός* см. А. П. Каждан. Два поздневизантийских акта из собрания П. И. Севастьянова, ВВ, т. II, 1949, стр. 321; его же. Аграрные отношения в Византии, стр. 102—104; К. А. Осипова. Положение крестьянства в Византии, стр. 14, — подробно G. Ostrogorskiij. La paysannerie byzantine, p. 28 sqq.

Солуни) Константин VII пожаловал *ἀριθμός* ста париков¹³⁵. Определенный *ἀριθμός* париков был установлен также для монастыря Иоанна Колову¹³⁶. Пожалованное число париков должно было оставаться неизменным и пополнялось после их смерти из числа их детей¹³⁷. Теоретически, следовательно, феодал получал право присваивать государственные налоги с определенного, строго ограниченного числа налогоплательщиков, податных единиц, но еще не получал права на самую личность парика.

Еще в XI—XII вв. византийское государство постоянно производило расследования, проверяя, владеет ли тот или иной феодал тем числом париков, которое указано в выданных ему грамотах, или же он присвоил себе „лишних“ крестьян; обнаруженные „лишние“ крестьяне передавались казне. В 1176 г. податной чиновник получил предписание от дуки фемы расследовать права владения Латрского монастыря. „Если ты установишь, — писал дука, — что монастырь владеет столькими париками, сколькими следует согласно его документам, оставь его владеть ими, как и прежде. Если же нет, передай (лишних) казне“¹³⁸. И этот чиновник действительно немало париков передал казне, записав их в государственных описях¹³⁹. Еще Феофилакт Болгарский жаловался на чрезмерную старательность, с которой податные чиновники определяли число принадлежавших архиепископии париков: Феофилакт имел в виду не подсчет париков для взимания поголовной подати, как полагал в свое время В. Г. Васильевский, но проверку основания владения париками¹⁴⁰.

Для того, чтобы лучше организовать контроль за числом париков во владениях частных лиц, Мануил Комнин издал указ, запрещающий дарить париков без указания числа их: грамота, не указывающая количества подаренных париков, рассматривалась как недействительная¹⁴¹.

Итак, государственные крестьяне, переданные в частные руки, теоретически продолжали рассматриваться в X—XII вв. не как лично-зависимые люди, но как налогоплательщики, вносившие свои подати через светского или духовного феодала. Их рента юридически продолжала считаться государственным налогом, их отношения с феодалом — отношениями патроната. Однако практически дело обстояло совершенно по-иному. Для выяснения вопроса о действительном положении париков нам придется обратиться прежде всего к более поздним памятникам. Никита Акоминат рисует яркую картину „так называемых раздач париков“: Мануил Комнин, по его словам, превращал тех, кто еще недавно был жителем провинции и считал своим господином казну, в людей, обязанных не только платить подати воинам-полуварварам, но и служить им в качестве рабов. Жестокое господа отбирали у париков все до последнего обола и даже сдирали с них одежду¹⁴². Неудивительно в свете этого, что монахи афонской Лавры были перепуганы, узнав, что Алексей Комнин повелел им платить часть государственного канона его брату протосевасту Адриану. И хотя размер податей был оставлен без изменения, монахи стали утверждать, что они лишены собственности и обращены в париков этого вельможи¹⁴³.

¹³⁵ Lavra, No. 28.103.

¹³⁶ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. № 56.4 и 8.

¹³⁷ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame, p. 32.19. Cp. Lavra, № 31.23.

¹³⁸ MM, IV, p. 317.30.

¹³⁹ Ibid., p. 318.9.

¹⁴⁰ PG, t. CXXVI, col. 316. B.

¹⁴¹ Jus, III, p. 444.

¹⁴² Nicetas Choniata, p. 272.10—273.18.

¹⁴³ Lavra, № 39.16—18.

При передаче государственных париков в частные руки положение крестьян было хуже, нежели при иных формах патроната, ибо в этом случае общинные связи разрывались и феодалу противостояла не сплоченная крестьянская община, а изолированные крестьянские семьи. Тем самым ослаблялась сила крестьянского сопротивления и облегчалась возможность для решительного наступления феодалов, для увеличения ренты, для того разорения крестьянства, о котором говорит Никита Акоминат.

Итак, можно видеть, что в византийской деревне X в. был распространен патронат, сущностью которого являлось присвоение феодалом части государственных податей с крестьянской общины или с определенного числа крестьян. Патронатные отношения не создавали какой-либо частной ренты, принципиально отличной от государственного налога, и, следовательно, не создавали новой формы эксплуатации крестьянства. Сам по себе переход под патронат не мог превратить крестьянина в лично-зависимого: он оставался на первом этапе государственным крестьянином и налогоплательщиком. Этим путем еще не создавались формы зависимости, принципиально отличные от подданства. Однако тенденция исторического развития состояла в превращении этого крестьянина в феодально-зависимого. Патронат X в. был лишь переходной формой к поместью XI—XII вв. с гораздо более четко очерченным характером крестьянской зависимости.

Если феодальная собственность на землю образует важнейшее условие эксплуатации средневекового крестьянства, то практическое осуществление этой эксплуатации возможно при помощи определенных феодальных учреждений; вассалитет, система феодальных дружин и феодальная юрисдикция были важнейшими среди них. Зарождение этих учреждений, насколько можно судить по скудным данным источников, относится к IX—X вв.

Вассалы в источниках X в. обозначались термином „люди“ (*ἄνθρωποι*); этот термин часто встречается в хрониках. Знатный каппадокийский феодал Андроник Дука поднял мятеж вместе со своими сыновьями, родственниками и „людьми“¹⁴⁴. Немногим позднее по приказу Романа Лакапина был пострижен в монахи магистр Стефан Каламария вместе с его „людьми“: Феофаном Тихиотом и Павлом Орфанотофом¹⁴⁵. Евдомадарий Лев был „человеком“ некоего Арсения¹⁴⁶.

Важные сведения о вассалах содержит новелла Константина VII: она свидетельствует о существовании схоляриев (воинов), находившихся в зависимости от знатных лиц (*προστασίας δυνατωτέρων διεφεντευόμενοι*)¹⁴⁷, — эту зависимость, несомненно, надо считать вассальной.

Менее определенный характер носят частые сообщения источников о свите того или иного вельможи. Свита благородных юношей была у крупнейшего богача середины X в. Василия Нофа¹⁴⁸; была свита и у каппадокийского дината Михаила Малейна¹⁴⁹. Хроники рассказывают, как будущий император Василий Македонянин, происходивший из семьи бедных фракийских землевладельцев, вступил в свиту стратига

¹⁴⁴ Theoph., Cont., p. 867.5.

¹⁴⁵ Ibid., p. 398.15.

¹⁴⁶ Ibid., p. 399.2. Ср. ibid., p. 430.9—10.

¹⁴⁷ Jus, III, p. 255.10. О стратиготах, вступающих в зависимость от знати, — ibid., p. 286.18.

¹⁴⁸ Leo Diaconus, p. 94.12.

¹⁴⁹ L. Petit. Vie de s. Michel Maleïnos. „Revue de l'Orient Chr.“, vol. VII, 1902, p. 552. 23—29.

Македонии Цанца, а затем — в свиту константинопольского аристократа Феофилицы.

У могущественного вельможи иной раз был свой маленький двор. Так, у стратига Фракии и Македонии Апостиппа была челядь, которую возглавляли лица, носившие титулы: протостратор, кувикулярый, первый среди ближайших¹⁵⁰. Эти названия напоминают титулатуру константинопольских придворных. Челядь Апостиппа именовала его господином.

Следом за феодальной земельной собственностью и вассалитетом вырастает и феодальная юрисдикция. Наличие сеньориальной юрисдикции признает Пира (LI, 1), разрешающая господину судить мистия во всех случаях, кроме тех, когда сам господин был заинтересован в исходе тяжбы. Принципы феодальной юрисдикции были сформулированы в житии Феоклита: „Господин является учителем всякой добродетели и наставником тех, кто находится под его властью (οἱ ὑπὸ τὴν χεῖρα τοῦ κυρίου) независимо от того, рабы они или свободные“¹⁵¹.

Феодальная юрисдикция подкреплялась дарованием отдельным светским и духовным феодалам податных привилегий и изъятий из общей системы обложения. Податные привилегии получала, в первую очередь, церковь. Правда, в принципе церковь должна была платить налоги за свои земельные владения: как указывает Николай Мистик в послании к епископу Никомидии Игнатию, монастыри должны отправлять государственные повинности, если у них есть земли, населенные крестьянами; если же у них нет земли и крестьян, монастыри должны пользоваться свободой от обложения¹⁵². Об уплате церквами налогов свидетельствуют также Лиутпранд и Феофилакт Болгарский.

Податные привилегии церквам были известны и в более раннее время¹⁵³. Примером податных привилегий VII в. является эдикт императора Юстиниана II храму св. Димитрия в Солуни¹⁵⁴.

Византийские памятники конца IX и X вв. часто говорят об освобождении от уплаты податей. Василий I пожаловал афонским монахам освобождение от „вмешательства“ сборщиков налогов¹⁵⁵. В Эпанагоге, составленной в конце его правления, мы встречаем более общую формулировку этого принципа: „Монастыри и церкви, — говорится там (IX, 16), — и прежде всего митрополии и епископии не должны выполнять крестьянские повинности (ιδιωτικῆ ἀγγαρεία) или барщину, ни нести податей“. Патриарх Фотий в одном из писем порицает спафария и деспота Константина, который посмел вопреки царским жалованным грамотам взимать подати с церквей¹⁵⁶. В послании Николая Мистика диакону Стилиану упоминается о том, что в монастырских ларцах хранятся выданные императором грамоты (χάρτια) об освобождении от обложения¹⁵⁷. Наконец, Трактат об обложении знает, что церковному учреждению

¹⁵⁰ Theoph. Cont., p. 307.1.

¹⁵¹ N. Vées. Vie de s. Théoclète, évêque de Lacédémone. Византийское Обозрение, т. II, 1916. Прилож., стр. 24.23—25.

¹⁵² PG, t. CXI, col. 304.B.

¹⁵³ G. Ferrari dalle Spade. Immunità ecclesiastiche nel diritto romano. „Atti R. Istituto Veneto di sc. letter.“, t. 99.2, 1939—1940 — см. F. Dölger, BZ, 40, 1940, S. 289f.

¹⁵⁴ A. Vasiliev. An edict of the Emperor Justinian. „Speculum“, 18, 1943; H. Grégoire. Un édit de l'empereur Justinien II. Byz., 17, 1944—1945.

¹⁵⁵ П. Успенский. История Афона, т. III, ч. I, стр. 295.18.

¹⁵⁶ А. И. Пападопуло-Керамевс. Святейшего патриарха Фотия 45 неизвестных писем. „Зап. СПб. университета“, ист.-фил. фак., ч. 41, 1896, стр. 14.5.

¹⁵⁷ PG, t. CXI, col., 225.C.

могут быть пожалованы те подати, которые прежде поступали в казну с его земельных владений¹⁵⁸.

Анализируя данные Трактата об обложении, М. Я. Сюзюмов пришел к выводу, что практика раздачи податных привилегий была в X в. еще сравнительно недавней¹⁵⁹. Следовательно, между раздачами привилегий времен Юстиниана II и привилегиями конца IX в. имел место длительный разрыв, частично объясняемый упадком монастырей в период иконоборчества.

В некоторых случаях податная привилегия могла состоять в снижении нормы обложения: обложение владений данного собственника производилось не по общей норме, а по более льготной¹⁶⁰. Наконец, привилегия могла состоять в освобождении от части дополнительных податей¹⁶¹.

Пожалование податной привилегии и особенно полного освобождения от податей имело в Византии X в. принципиальное значение. Действительно, византийская юридическая теория рассматривала всякого землевладельца как подданного, обязанного выполнять государственные повинности. В соответствии с этим свобода могла здесь существовать только как исключительный случай, как привилегия, как освобождение от бремени податей и повинностей. И в самом деле, термин „свободный“ (ἐλεύθερος) постоянно применяется в памятниках X в. в значении „свободный от податей“¹⁶². Следовательно, освобождение от государственных повинностей означало в Византии X в. нечто большее, нежели просто экономическая льгота. Свобода от податей должна была означать исключительное положение, привилегированность, в известной мере — принадлежность к господствующему классу.

Развитие системы податных привилегий в Византии особенно отчетливо проступает при анализе так называемой экскуссии. Экскуссия, изучению которой был посвящен ряд специальных работ, рассматривается обычно как учреждение, тождественное западноевропейскому иммунитету¹⁶³. Оставляя сейчас в стороне вопрос о поздневизантийской экскуссии, обратим внимание на то обстоятельство, что в исторической литературе данные об экскуссии XI в. были распространены на VII—VIII вв. — на основании этого К. Н. Успенский утверждал, что уже в VII—VIII вв. достигло огромного размаха экзимирированное монастырское землевладение и выросли монастыри-княжества. Дальнейшая эволюция экскуссии рисовалась ему как постепенное ослабление иммунитетных прав монастырей: появление жалованных грамот монастырям XI в. он считал признаком их ослабления, проявлением тенденции сохранить ранее завоеванные права.

Более осторожный П. А. Яковенко начинал историю экскуссии только с XI в. и, следовательно, вовсе не касался интересующего нас периода. При этом он полагал, что византийская экскуссия развивалась из позднеимперских учреждений.

¹⁵⁸ Tract., S. 117.4.

¹⁵⁹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества, стр. 87.

¹⁶⁰ Μὴ κατὰ τὸν κοινὸν ποιησάσθαι ὑπόμνον — Lavra, № 43.4. См. анализ этого места — F. Dölger. Zur Textgestaltung der Lavra-Urkunden, S. 53.

¹⁶¹ Jus, III, p. 392. См. Н. А. Скабаланович. Византийское государство и церковь в XI в., стр. 275.

¹⁶² Theoph. Cont., p. 48, 17; PG, t. CXI, col. 304. В; Leonis Tactica, IV, 1.

¹⁶³ П. А. Яковенко. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908; К. Н. Успенский. Экскуссия-иммунитет в Византийской империи. ВВ, т. 23, 1923; ср. его же. Очерки по истории Византии. М., 1917, стр. 186—187.

Теория экскуссии, выдвинутая К. Н. Успенским, является в настоящее время широко распространенной¹⁶¹, и только М. Я. Сюзюмов выступил против возможности существования в Византии VII—VIII вв. монастырей-княжеств¹⁶⁵. Однако и он не пересмотрел вопроса об экскуссии.

Решение вопроса о ранней экскуссии наталкивается на недостаток источников. Тем более удивительно, что ни К. Н. Успенский, ни его последователи, ни его критики не обратили внимания на упоминания экскуссии в византийских источниках до жалованных грамот конца XI в. — правда, упоминания немногочисленные и случайные¹⁶⁶. К ним следует прибавить венецианские памятники IX в., содержащие некоторый материал для характеристики экскуссии: в то время Венеция еще не порвала окончательно с империей, и общественные отношения в этом городе во многом были схожи с общественными отношениями в Византии.

Термин экскуссия обозначал в IX—X вв., как и в более позднее время, освобождение от податей¹⁶⁷. Это значение придают ему акты X в. В афонской грамоте 984 г. мы находим формулу пожалования экскуссии, которая даруется на вечные времена¹⁶⁸. В другой грамоте экскуссия выступает как освобождение от определенных повинностей (строительство укреплений, поставка продовольствия, постой); дука фемы запрещает своим чиновникам вторгаться во владения монастыря¹⁶⁹.

Ранние документы, говорящие об экскуссии, показывают, что это право могло принадлежать крестьянам. Константин Багрянородный рассказывает, что в X в. пленных арабов направляли в хозяйства стратиотов и крестьян и что эти хозяйства получали на три года экскуссию от синоны-капника¹⁷⁰. Клирики Охридской архиепископии пользовались в начале XI в. экскуссией от некоторых податей¹⁷¹. В Пире (XX,1) упомянуты парики, имеющие экскуссию по хрисовулу. Наконец, в уставе Эвергетидского монастыря в Константинополе, составленном в XI в. и окончательно отредактированном в XII в., названы парики-экскуссаты¹⁷².

Любопытно употребление этого термина в одной из новелл Константина VII, где словом *ἐξκουσσία* назван человек, освобождающий стратиота от его повинности и использующий его в собственных интересах¹⁷³. Следовательно, здесь под экскуссией понимается освобождение стратиотов от государственных повинностей. Однако освобождение экскуссатов-крестьян от государственных повинностей было не-

¹⁶⁴ См., например, Е. Э. Липшиц. Византийское общество и его культура, стр. 6.

¹⁶⁵ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества, стр. 81 и сл.

¹⁶⁶ Термин *ἐξκουσίων* (в неясном значении) встречается один раз в византийских папирусах (С. Н. Roberts. The Antinoopolis Papyri, vol. I. London, 1950, № 33. 36—37). Производные от термина экскуссия встречаются в „Василиках“ (VII, 2.16, § 1, XXI, 1.1 и схолии; XLVI, 1.5 схола., где они имеют узко-процессуальное значение (освобождение от дачи показаний в суде и т. п.).

¹⁶⁷ Leonis Tactica, XX, 71.

¹⁶⁸ F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges, № 108.24.

¹⁶⁹ Ibid., № 56.10—13.

¹⁷⁰ Constantinus Porphyrogenitus. De cerim., Bonnae, 1829, p. 695. 5.

¹⁷¹ H. Gelzer. Ungedruckte und wenig bekannte Bistümverzeichnisse der orientalischen Kirche. S. 44.1.

¹⁷² А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, т. I. Киев, 1895, стр. 655.12. Бессмысленное выражение оригинала *παρικοί ἐξ κουσσιών* нуждается в конъектуре: *ἐξκουσσιόται* или *ἐξκουσσιών* (*ἐχόντες*) Ср. еще MM, V, p. 260.19 (от 1295 г.).

¹⁷³ Jus, III, p. 266.28.

полным. Константин Багрянородный подробно рассказывает об их обязанностях. По его словам, императорский стольничий имел в своем подчинении экскуссатов из деревни Тември в феме Опсикий: они должны были поставлять рыбу для императорских трапез¹⁷⁴. Такие же экскуссаты были и в Венеции: при доже Орсо Партиципаке (864—881) остров *Dorsum durum* был передан людям, именовавшимся *excusati Ducatus*, а все остальные рыболовы и охотники на этом острове должны были платить дожу пошлину¹⁷⁵. Видимо, экскуссаты дожа, подобно экскуссатам из деревни Тември, снабжали правителя рыбой и дичью.

К числу экскуссатов относились также экскуссаты дрома, повинности которых состояли, повидимому, в обслуживании императорской почты.

Короче говоря, экскуссаты ранних памятников не могут рассматриваться как люди, полностью свободные от обложения: повидимому, они получали определенные податные льготы (освобождение от денежных поборов?), но зато были обязаны выполнять натуральные или барщинные повинности. Подобное освобождение от основных государственных податей для выполнения какой-либо специальной повинности известно и по другим источникам IX—X вв.¹⁷⁶, хотя оно и не названо там экскуссией¹⁷⁷.

Итак, весьма вероятно, что экскуссия первоначально заключалась в освобождении от основных денежных налогов при условии возложения на экскуссата определенных натуральных или барщинных повинностей. Экскуссатами в IX—X вв. были крестьяне, поставлявшие рыбу для императорского стола, обслуживавшие государственную почту и т. п. Экскуссия в это время не имела ничего общего с феодальным иммунитетом и не могла содействовать формированию экзмированных монастырей-княжеств.

Постепенно этот термин приобретает новые значения. Так, в афонском акте 984 г. идет речь о пожаловании афонской Лавре экскуссии корабля¹⁷⁸. Разумеется, в данном случае экскуссия обозначает освобождение (монастырского корабля) от уплаты таможенных пошлин. Эта податная льгота, как свидетельствует грамота, могла быть передана по желанию ее обладателя другому лицу.

Термин экскуссия распространяется в это время, как свидетельствует грамота 995 г., цитированная выше, не только на денежные подати, но и на всякого рода строительные работы, натуральные поборы и т. п. В многочисленных жалованных грамотах XI в. экскуссия выступает как освобождение от всевозможных повинностей и поборов. Такую

¹⁷⁴ *Constantinus Porphyrogenitus. De cerim.*, p. 488.18. Точно так же были освобождены от выполнения государственных повинностей крестьяне, платившие натуральную ренту константинопольской патриархии — *PG*, t. CXI, col. 380.C.

¹⁷⁵ *L. A. Muratori. Rerum Italicarum Scriptores*, t. XII, p. 188.

¹⁷⁶ 70-я новелла императора Льва VI; Книга эпарха, XVIII, 2. См. М. Я. Сюзюмов. Книга эпарха, Свердловск, 1949, стр. 100.

¹⁷⁷ В связи с этим мы позволим себе предложить гипотезу для объяснения происхождения слова экскуссия, которое П. А. Яковенко („К истории иммунитета в Византии“, стр. 6) выводил из римского термина *excusatio*. Это объяснение стало общепринятым. Нам представляется более правильным рассматривать слово экскуссия как производное от термина *scussia*. Этот термин — по происхождению своему несомненно греческий — засвидетельствован венецианской грамотой Джустиниано Партиципака от 829 г., где идет речь об освобождении от *scussia publica et angariae* (*S. Romanin. Storia documentata di Venezia*, I, 1853, p. 349). Следовательно, *scussia* представляли собой какую-то форму повинностей, отличную от ангарий, т. е. от барщины, — весьма вероятно, что это была денежная подать. Несмотря на всю привлекательность этой гипотезы, следует, однако, указать, что термин *scussia* должен был бы существовать не позднее конца VI в., однако источники его не засвидетельствовали.

¹⁷⁸ *F. Dölger. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges*, № 108.22.

экскуссию получают не крестьяне, а феодалы: она превращается в силу, содействующую оформлению „свободной“ феодальной собственности.

Однако даже в правление Комнинов византийская экскуссия не давала полной эксимированности. Освобождая феодалов от тех или иных налогов, запрещая чиновникам вторгаться в их владения, византийское правительство в то же время сохраняло за собою право пересмотра размера привилегий и самого имущества феодала, как это оговорено в дипломе Мануила Комнина от 1158 г.: „Но когда по повелению моей царственности будут составляться описи монастырских париков и недвижимости, тогда только могут монастыри подвергаться расследованию и лишаться незаконных владений в соответствии с показаниями переписчика“¹⁷⁹.

Принципиальное отличие византийской экскуссии XI—XII вв. от западного иммунитета состояло в том, что она не давала экскуссату средств внеэкономического принуждения по отношению к непосредственным производителям и прежде всего — судебным прав. И все же податные привилегии, представлявшие собою первоначально исключение в системе всеобщего податного гнета, содействовали оформлению феодальных отношений.

Подводя итоги, можно констатировать, что феодальный уклад был ведущим в Византии X в. Феодальная собственность все шире распространялась, вытесняя более архаичные формы. Своеобразной чертой процесса генезиса феодализма в Византии являлась относительная медленность формирования вотчинной системы эксплуатации крестьянства. Наряду с феодальным помещьем — учреждением для взимания феодальной ренты — в экономической жизни Византии X в. известную роль играют и рабовладельческий уклад, и общинные отношения. В соответствии с этим взимание централизованной ренты оказывается существенной формой присвоения прибавочного продукта непосредственных производителей.

Одним из своеобразных путей формирования вотчинной системы эксплуатации непосредственных производителей была передача отдельным динамам определенной доли централизованной ренты. Тем самым государственные крестьяне превращались в крестьян под патронатом и, в конечном счете, — в зависимых людей данного феодала.

Формирующаяся феодальная собственность закреплялась возникновением феодальной юрисдикции и отношений вассалитета; раздача податных привилегий содействовала образованию „свободной“ феодальной собственности.

Процесс формирования феодальных отношений сделал в X в. решающие успехи: феодальная система хозяйства стала в это время ведущей. Однако формирование вотчинной системы эксплуатации непосредственных производителей было еще далеко не завершено, несмотря на бурный рост феодального землевладения на протяжении X в.

¹⁷⁹ Jus, III, p. 453.28. Любопытна грамота 1081 г., где наряду с полной экскуссией устанавливается обязанность платить в казну небольшую денежную ренту — 47/12 номисмы. Lavra, № 37. 24—26.